

СТРАТЕГИЯ ЭМОЦИОНАЛИЗАЦИИ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Данная работа посвящена исследованию проблемы дискурсивного конструирования образа судебной власти в российских и английских печатных СМИ. Актуальность исследования обусловлена негативным отношением граждан к институту правосудия в России, а также значительной долей критических замечаний в адрес судебной власти в Великобритании. Цель работы – исследование дискурсивных способов конструирования имиджа судебной системы, реализующих стратегию эмоционализации.

Материалы и методы. Материалом для анализа послужили статьи из следующих газет: правительственной «Российской газеты», оппозиционной «Новой Газеты», широкоформатной газеты «The Guardian» и таблоида «The Daily Mail». Основу исследования составляет методология, предложенная школой критического анализа дискурса.

Результаты. Автор статьи изучает стратегию эмоционализации, используемую журналистами для освещения деятельности судебной власти. В рамках обозначенной стратегии проводится анализ языковых средств ее реализации. Исследуются средства лексического и грамматического уровней языка, а также стилистические приемы, реализующие стратегию эмоционализации в российской и английской прессе. В статье рассматривается также субъект, выражающий эмоции в дискурсе печатных СМИ о судебной власти, и обсуждаются различные способы репрезентации эмоций. Кроме того, выявляются культурные особенности использования стратегии эмоционализации, присущие российским и английским печатным СМИ.

Выводы. В заключение сделан вывод о конструировании образа судебной власти в российских и английских СМИ посредством данной стратегии. Стратегия эмоционализации способна создавать как положительный, так и отрицательный имидж судебной власти. Статья способствует пониманию дискурсивных механизмов СМИ, воздействующих на восприятие обществом судебной власти.

Ключевые слова: судебная власть, СМИ, стратегия, эмоции, образ, положительный, отрицательный.

N. S. Dankova

EMOTIONALISATION STRATEGY AS MEANS OF REPRESENTING JUDICIAL POWER IN RUSSIAN AND ENGLISH PRINT MEDIA

Abstract.

Background. The present study is devoted to the problem of discursive means used to construct the image of judicial power in Russian and English print media. The current research is considered to be a worthwhile study because of negative public opinion about judicial power in Russia. Judicial power in Great Britain is of-

ten criticized for being too lenient. The purpose of the study is to analyze linguistic means employed within the strategy of emotionalisation.

Materials and methods. The data come from the following sources: a governmental paper, "Rossijskaja Gazeta", an oppositional paper, "Novaja Gazeta", the broadsheet, "The Guardian" and the tabloid, "The Daily Mail". The study relies on methods offered by the school of Critical Discourse Analysis.

Results. The author examines the strategy of emotionalisation that is employed to represent the judiciary. Within the determined strategy the analysis of linguistic means of its realization is performed. The author investigates lexical and grammatical language means as well as stylistic devices that realize the emotionalisation strategy in Russian and English print media. The study also examines the agent expressing emotions in mass media discourse about the judiciary. Furthermore, different types of representing emotions are discussed. Besides, cultural differences typical of employing the emotionalisation strategy in Russian and English print media are revealed.

Conclusions. The author makes a conclusion about the image of the judiciary constructed in Russian and British media by means of the emotionalisation strategy. It allows the journalist to create both positive and negative image of judicial power. The article promotes deeper understanding of mass media discursive mechanisms that impact public opinion about the judiciary.

Key words: judicial power, mass media, strategy, emotions, image, positive, negative.

Вопрос дискурсивного конструирования образа власти в СМИ привлекает внимание лингвистов. Однако большинство исследований направлено на изучение репрезентаций законодательной и исполнительной ветвей власти. Несмотря на то, что некоторые проблемы конструирования образа судебной власти в дискурсе печатных СМИ были изучены нами ранее [1–5], следует отметить недостаточную изученность данного направления в исследовании в целом. Полагаем, что репрезентация института судебной власти в СМИ заслуживает внимания, поскольку судебная власть является самостоятельной ветвью государственной власти, в значительной мере определяющей благополучие общества.

Актуальность исследования обусловлена негативным отношением граждан к институту правосудия, о чем свидетельствуют данные социологических опросов, проводимых в России [6], а также комментарии читателей на электронных сайтах печатных изданий. Уровень доверия граждан английской судебной системе сравнительно выше, тем не менее правосудие Великобритании часто критикуют за чрезмерную мягкость [7]. Будучи авторитетным источником информации, СМИ рассматриваются как субъект, способный воздействовать на восприятие читателей. Специалисты в области исследования дискурса СМИ сходятся во мнении, что восприятие человеком окружающего мира в большой мере зависит от того, каким представлен этот мир в СМИ [8–11]. «Картина мира современного человека оказывается во многом опосредованной концептами, стереотипами и установками, сообщаемыми в явной или скрытой форме электронными и печатными СМИ», – пишет А. А. Негрышев [10, с. 17]. Как представляется, образ судебной власти, создаваемый в СМИ, во многом определяет отношение общества к системе правосудия. Таким образом, актуальность изучения дискурсивных репрезента-

ций судебной власти связана с интересом современной лингвистики к прагматическим аспектам изучения языка.

Одним из факторов, который призван воздействовать на способ изложения событий в СМИ, является выбор журналистской стратегии. Вслед за ведущими западными учеными в области критического анализа дискурса под стратегией мы подразумеваем «более или менее точный план действий (включая дискурсивные действия) с большей или меньшей степенью намерения, принятый для достижения конкретной социальной, политической, психологической или лингвистической цели» [12, р. 44]. (Перевод с английского здесь и далее мой. – Н. Д.) **Целью** данного фрагмента исследования является изучение дискурсивных способов конструирования имиджа судебной системы, реализующих стратегию эмоционализации. Сопутствующая задача настоящего исследования заключается в выявлении образа судебной власти, конструируемого в СМИ посредством использования стратегии эмоционализации.

Методология исследования основана на дискурсивном анализе. Применение данного методологического подхода к анализу дискурса СМИ о судебной власти, на наш взгляд, является ключом к пониманию социальных процессов, связанных с массовым восприятием института правосудия.

Материалом для исследования послужили статьи о судебной власти, опубликованные в идеологически противоположных печатных изданиях Великобритании и России: широкоформатной газете “The Guardian” (далее “The G”), а также ее воскресном выпуске “The Observer” (далее “The O”), таблоиде “The Daily Mail” (далее “The DM”), правительственной «Российской газете» (далее «РГ») и оппозиционной «Новой газете» (далее «НГ»). Статьи отбирались методом произвольной выборки в период с января 2013 г. по декабрь 2014 г.

По наблюдениям исследователей [13–15], существуют две полярные ипостаси образа власти в СМИ – положительный и отрицательный. Дискурсивные средства конструирования имиджа власти в СМИ исследуются в разных аспектах. Для отечественных исследований характерна главным образом прагматилистическая направленность. Широко изучены лексические [14], а также образные средства языка [16]. Исследование образа власти в русле критического анализа дискурса осуществляется через категории стратегии и тактики и представлено в зарубежных [11; 12], а также некоторых российских работах [17; 18].

Одной из таких стратегий является стратегия **эмоционализации**. Стратегия эмоционализации реализуется средствами прямого указания на эмоции [19]. Рассуждая о языковом способе подачи информации в СМИ, можно противопоставить использование рациональных средств аргументации, позволяющих автору доказать справедливость своей точки зрения, и эмоциональных аргументов, которые представляют собой эмоциональную оценку [20]. Отмечено, что продукт СМИ все больше является предметом не бесстрастной и сухой информации, но информации, переживаемой получателями эмоционально и вызывающей ощущение сопричастности [21].

Очевидно, что эмоционально окрашенные языковые средства способны оказывать сильное воздействие на реципиента. Исследователи утверждают, что «отдельные эмоции, вызванные рассказом, могут в свою очередь повли-

ять на общее восприятие читателя» [22, р. 818]. Кроме того, сильные, яркие эмоции надолго остаются в памяти читателя [21]. Эмоциональный способ воздействия на читателя отмечают и зарубежные лингвисты, обсуждая эмоциональную составляющую журналистского текста [23]. «Факты лучше описываются и запоминаются, если они содержат или возбуждают сильные эмоции», – утверждает Т. А. ван Дейк [24, р. 85].

Особый интерес для настоящего исследования представляет работа М. Стенвалл, обсуждающая репрезентации эмоций в новостном медийном дискурсе [25]. Исходя из субъекта, выражающего эмоции, исследователь выделяет два вида репрезентаций: репрезентации эмоций, выраженных субъектом, непосредственно их испытывающим (attributed), и репрезентации эмоций, выраженных журналистом (non-attributed). Первый тип репрезентаций включает пережитые, или испытанные (experienced), эмоции, которые выражаются в дискурсе СМИ посредством прямой или косвенной речи. Репрезентации пережитых эмоций в большей степени основаны на фактах. Однако автор подчеркивает, что публикация любой цитаты, в том числе выражающей эмоции, является результатом журналистского решения. Второй тип репрезентаций предполагает полную ответственность журналиста за выбор языковых средств, передающих эмоции. Исходя из источника получения информации, М. Стенвалл выделяет репрезентации эмоций, полученные путем наблюдения (observed), логических умозаключений (interpreted), и репрезентации, созданные журналистом (constructed). Автор отмечает, что в репрезентациях, полученных путем наблюдения, могут присутствовать искажения, а также указывает на субъективность репрезентаций, основанных на журналистской интерпретации, и неопределенность созданных журналистом репрезентаций.

Обратимся к непосредственным результатам настоящего исследования. Эмоциональность находит выражение в дискурсе как российских, так и английских печатных СМИ. Можно выделить два вида репрезентаций, реализующих стратегию эмоционализации в текстах СМИ.

Во-первых, находим эксплицитно выраженное описание чувств людей, так или иначе причастных к процессу судопроизводства:

“I am delighted the court have fast-tracked this process and given us the earliest possible hearing date”, said councillor Dan Thomas, cabinet member for resources (“The G”, 22.01.13).

Во-вторых, тексты СМИ содержат описания физиологических реакций, часто выраженных глаголами действия, которые характеризуют душевные состояния участников судебного процесса:

«Я не могу говорить», – всхлипывает мужчина («РГ», 23.07.13).

Далее рассмотрим **языковые средства**, маркирующие эмоциональное отношение адресанта к событиям действительности.

На уровне лексики стратегия эмоционализации реализуется посредством использования лексических единиц, в семантику которых заложены различные эмоции. **Эмоционально окрашенная лексика** часто используется:

а) для описания преступных действий подсудимых:

ужасными преступлениями («РГ», 25.04.13); с особой жестокостью («РГ», 07.03.13); кошмарном ДТП («РГ», 04.07.13), кощунством, дикий поступок («РГ», 02.07.13); зверство («РГ», 02.12.14); terrible, appalling, cold-

blooded ("The DM", 30.01.13); *horrified, ferocity* ("The G", 11.01.13); *flagrant* ("The G", 07.01.13); *shocking* ("The G", 19.01.13); *terrifying acts of brutality* ("The G", 29.01.13); *distressing* ("The G", 30.01.13); *brutal, savage callous and cruel* ("The DM", 09.02.13); *terrible* ("The G", 14.02.13); *gruesome, "cruel and sadistic"* ("The G", 25.03.13);

б) описания чувств пострадавших:

трагедии, горе («РГ», 23.07.13); *страдания* («РГ», 16.07.13); *в беспомощном состоянии* («РГ», 07.08.14); *не жалели, кровожадным бандитам* («РГ», 09.10.14); *abuse* ("The G", 19.01.13); *intimidation* ("The G", 29.01.13); *grief, the sadness, painful* ("The G", 08.02.13); *suffered, pain* ("The DM", 08.01.13);

в) выражения субъективной эмоциональной оценки событий действительности адресантом.

Следующие примеры демонстрируют чувства журналистов, вызванные посещением судебных процессов, создавая негативный настрой у читательской аудитории:

В минувшую пятницу полдня провел в зале судебного заседания. Впечатление – удручающее («НГ», 01.09.2014).

Отрицательные эмоции журналиста оппозиционной прессы находят языковое выражение в жаргонизмах с ярко выраженной негативной окраской:

Я дурею от этого суда, который все больше и больше напоминает суд сумасшедших, тайно захвативших власть над живыми людьми («НГ», 20.09.13).

Положительные чувства, наполняющие авторов следующих фрагментов, также передаются читателю:

Говоря в целом об итогах работы в 2012 году, Ольга Егорова в общем осталась довольна работой столичных судей («РГ», 30.01.13).

We're very glad to have got this man off the street ("The G", 25.02.13).

Выражение эмоциональной позиции автора английских печатных СМИ часто сопровождается использованием наречий, указывающих на степень переживаемых эмоций (*very, extremely, perfectly, pretty*):

Following the verdict, Detective Chief Inspector Nick Wallen of West Yorkshire police said he was extremely pleased with the outcome ("The G", 02.04.13).

Следует отметить, что российские журналисты используют стратегию эмоционализации, как правило, в ее негативном варианте, указывая на отрицательные чувства, тогда как тексты английских печатных изданий содержат значительную долю высказываний с положительной эмоциональной окраской. Нам встретились единичные высказывания, выражающие положительную эмоциональную оценку в российском материале:

«Мы довольны данным решением суда», – сказала «РГ» адвокат истицы Виктория Ищенко («РГ», 25.11.14).

Субъективная эмоциональная оценка также может быть выражена посредством использования **частиц**, что проявляется в следующем высказывании, обращенном к судье:

«Будьте же человечной», – не выдерживает Ксения... («НГ», 16.09.13).

Стратегия эмоционализации реализуется посредством ряда **синтаксических способов выражения эмоций**. Одним из таких средств являются риторические вопросы. Так, испытывая сострадание к подсудимым, автор, бу-

дучи уверенным в их невиновности, призывает читателя задуматься о том, что чувствуют эти люди:

А подсудимые? Им-то как? Как они выносят весь этот так называемый суд в своих клетках? («НГ», 20.09.13).

Эмфатический вопрос, выражающий возмущение пострадавшей стороны, в следующем примере вряд ли оставит равнодушным читателя:

I am disappointed that the judge sent them home without asking: "You have a reason based on no facts and no evidence? What in God's name is it?" ("The G", 24.02.13)

Ряд вопросов, адресованных воображаемому собеседнику (судье) и выражающих осуждение, создают особую экспрессивную тональность дискурса, конструируя негативный образ судебной власти:

Хорошо ли, Ваша честь, предлагать ничего не видящему человеку пять часов подряд смотреть кино, от содержания которого зависит его приговор и вся его жизнь?! Убудет ли от государства, со всеми его министерствами, департаментами, судами, спецслужбами, спецназами, фондами и победными универсиадами, если Акименков получит помощь в больнице Гельмгольца или в центре Федорова? Или вы, Ваша честь, будете судить его до полной слепоты? («НГ», 29.07.13).

Восклицательные предложения также представляют собой экспрессивные средства, ярко выражающие эмоции говорящего, и используются в следующем фрагменте оппозиционной прессы для создания негативного образа судебной власти:

Господи, бедная Таня, она улыбается с таким значением и с такой упорной любовью, что хочется встать и сказать судье Никишиной: «Ваша честь, да кончайте вы эту ужасную, невыносимую, всем – и Вам в том числе! – понятную ложь, и не надо больше мучить людей, и пусть идут и живут!» («НГ», 29.07.13).

Еще одним способом выражения эмоций на уровне синтаксиса является инверсия. Именно этот способ, реализующий стратегию эмоционализации, подчеркивает эмоциональное состояние пострадавшей, ставшей жертвой сексуального преступления:

How the victim must feel knowing that the recording has been shown in court and watched by outsiders one cannot imagine ("The G", 12.04.13).

Стратегия эмоционализации реализуется посредством использования **стилистических приемов**, усиливающих прагматический эффект.

Эмоционально окрашенная метафорическая номинация преступника, убившего своих родителей, в сочетании с эмфатической конструкцией (*what a*) выражает чувства судьи по отношению к фигуранту дела, а также предполагаемые чувства убитых родителей:

One can only imagine the horror of your parents' last moments in this life, when they realised what a monster their son, whom they loved, had become ("The G", 21.05.13).

Чувства, вызванные судебными решениями, также выражены посредством метафоры:

Мера пресечения, которую выбрали для военного моряка Иванкова, приводит в оторопь («НГ», 18.09.13).

Стилистический прием сравнения в следующем примере выражает эмоции пострадавшей во время судебного разбирательства, вызванные обращением служащих:

Levine says so Fran felt as if it were her, not Brewer, standing in the dock ("The DM", 09.03.13).

Градация, выражаемая посредством синтаксического параллелизма в следующем фрагменте, маркирует эмоциональное состояние судьи, который обращается к осужденному:

Throughout time it has been recognised as a terrible and unnatural crime. You have killed not one parent but both of them. You have done so for gain. You have done so having first tried unsuccessfully to kill them by other means. You have done so by the barbaric act of shooting them at point-blank range with a sawn-off shotgun ("The G", 28.04.13).

В качестве **субъекта, выражающего эмоции**, выступают: лица, представляющие стороны судебного процесса (подсудимые, истцы, адвокаты, прокуроры), а также их родственники, судьи, члены общества, не причастные к судебному разбирательству, и сами журналисты.

Чувства представителей сторон в судебном процессе обычно выражены посредством цитат или косвенной речи и представляют собой положительные или отрицательные эмоции, непосредственно переживаемые субъектом. Такие эмоции часто обусловлены приговором суда и встречаются главным образом в английской прессе, причем как в широкоформатной газете "The G", так и в таблоиде "The DM":

Outside the court, Meadows said he was "delighted" with the verdict and would now consider taking further action against the Metropolitan police ("The G", 08.03.13).

Оценка приговора сторонами судебного процесса посредством прямого указания на эмоции не типична для российских СМИ. Однако следующий пример из оппозиционной «НГ» демонстрирует эмоции фигуранта судебного дела, выявляемые из контекста:

Меня держат в тюрьме, помогая другим заключенным (я им, например, пою колыбельные, но это совсем другая история), лишая самого необходимого моих детей («НГ», 03.07.13).

В дискурсе российских СМИ встречаем эмоции пострадавшей стороны, которые направлены на преступников и состав преступления, что выражено в следующем примере посредством эмфатической конструкции:

«Будь он проклят...», «Верните смертную казнь...», – слышится со стороны, где сидят родители погибших девочек («РГ», 23.07.13).

Помимо использования прямой и косвенной речи, эмоции участников судебного процесса могут также быть выражены журналистом. Репрезентации эмоций, полученных путем наблюдения, характерны как для российских, так и для английских печатных СМИ:

Когда звучит цифра – пять лет реального срока – раздаются рыдания. Одна девушка падает в обморок («НГ», 18.07.13).

A transgender man cleared of raping and assaulting a woman burst out of the courtroom weeping tears of joy ("The DM", 09.02.13).

Следует отметить, что, используя стратегию эмоционализации, оппозиционная «НГ» может открыто вставать на сторону подсудимого, создавая

оппозиционный настрой у читателя по отношению к системе правосудия. В следующем фрагменте, где показаны чувства, не имеющие отношения к судебному процессу, фигурант дела изображен не как преступник, а как обычный человек:

Они улыбаются. Я вообще не видел, чтобы люди так много улыбались друг другу, как тут, в месте, где так много боли, на этом лживом, выдуманном, сочиненном следователями процессе. И однажды я вижу, что они целуют друг друга сквозь стекло, прикладывают губы по обе стороны стекла, и в этом такая нежность («НГ», 29.07.13).

Эмоции представителей сторон судебного процесса, созданные журналистом дискурсивными средствами, встречаем в российской прессе. Так, следующий фрагмент передает чувства подсудимого, выраженные журналистом посредством стилистического приема градации, вызывая чувство сострадания у читателей:

Второй год в тюрьме за то, что пришел на разрешенный митинг в центре Москвы. Второй год без нормальной еды, без нормального сна, без нормального воздуха, без общения с близкими (его запретила судья на время процесса), без свободы выйти в город и выпить кофе в кафе, без катания на велосипеде по дорожкам, которые так заботливо прокладывает для нас мэр, без Интернета, без любимого кресла и расслабляющего дивана, без души и сигареты, выкуренной в родном доме в створку окна, без телефонных разговоров, без цветов на подоконнике, без всего того, что составляет нормальную человеческую жизнь («НГ», 20.09.13).

В качестве субъекта, выражающего эмоции, выступают **судьи**. Следует отметить существенные различия в репрезентации эмоций судей в российских и английских СМИ. В английских печатных СМИ судья открыто выражает свои чувства по отношению ко всем участникам судебного процесса, а также совершенному преступлению:

Mr Justice Wyn Williams told her Yaseen had been subjected to “prolonged cruelty” and suffered a “good deal of pain” before he died from internal injuries in July 2010. He added: “This was a dreadful crime” (“The DM”, 08.01.13).

Такое открытое проявление чувств характеризует судью как фигуру глубоко эмоциональную, способную к сопереживанию по отношению к пострадавшим и испытывающую презрение и негодование по отношению к преступникам. Формальность процедур, характерная для процессуальной деятельности, не препятствует английским судьям выражать личные чувства, проявляя таким образом свои человеческие качества. Более того, для английских судей личное обращение к сторонам судебного процесса с целью выражения своих эмоций является общепринятой практикой, которая находит отражение в дискурсе СМИ:

It saddens me that I have to deal with you (“The DM”, 26.01.13).

Полагаем, что критика английского правосудия за чрезмерную мягкость небезосновательна, поскольку личные чувства, которые судьи испытывают как к пострадавшим, так и к обвиняемым, могут оказывать влияние на судебные решения, что можно наблюдать в следующем примере:

Desperate childless women who smuggle babies into the country ought to receive some sympathy, a top judge has ruled (“The DM”, 21.02.13).

В отличие от английской прессы, где эмоции выражены судьей от первого лица, российским СМИ не свойственны репрезентации чувств, пережи-

ваемых судьями, возможно, в силу отсутствия проявления таковых. В российской «НГ» отсутствие вербального выражения чувств со стороны судей расценивается отрицательно, на что указывает двойное отрицание в сочетании с усилительной частицей *даже* в следующем примере:

Блинов никак не показал своих чувств, даже когда Петр Офицеров в ответ на расспросы адвоката начал нехотя рассказывать о 5 своих детях и помощи сиротам («НГ», 17.07.13).

Однако эмоции судей в «НГ» выражают журналисты. Следует отметить, что эмоции судей создаются журналистами дискурсивно на основании субъективных выводов и оценок, что прослеживается в следующем примере:

Судья Москаленко, подперев голову кулаком, смотрит куда-то поверх голов адвокатов. Похоже, ей скучно («НГ», 18.09.13).

Кроме того, используя стратегию эмоционализации, журналисты оппозиционной прессы открыто заявляют о предвзятости и зависимости судебной власти, подрывая ее авторитет:

Но ей предстоит вынести приговор, степень жестокости которого надо будет, послушав палец, определить по дуновению из высших сфер в самый момент его вынесения, и она не может не представлять это с ужасом, как бы ни пыталась спрятать его под мантией и сама спрятаться за экраном от мам и пап. Конечно, в глубине души она ненавидит власть, эксплуатирующую ее в роли такого людоеда, но эта власть скоро назначит ей приличествующую пенсию, поэтому всю свою ненависть она выместит на тех, кто безответен за стеклом, но гораздо более свободен, чем она сама («НГ», 02.09.13).

Для правительственной «РГ» репрезентации эмоций, переживаемых судьями, не характерны, хотя и не являются абсолютным исключением.

Субъектом выражения эмоций в прессе являются также **члены общества**, лично не причастные к судебному разбирательству, чьи высказывания находят отражение в дискурсе российских и английских печатных СМИ. Для английской прессы характерно использование цитат, тогда как в российских СМИ наряду с цитатами эмоции создаются журналистами дискурсивно, что проявляется в следующих примерах, причем в русском примере репрезентация чувства подчеркивается графически (заглавные буквы), лексически (лексический повтор) и грамматически (экскламатив):

Главное слово, раскрывающее отношение к приговору: ШОК! Да, они испытали шок («НГ», 16.08.13).

Inspector Steve Cox, head of roads policing at Wiltshire Police, welcomed the sentencing. He said outside court: "We are pleased with today's sentence as it reflects both the seriousness of these crimes and the anguish that Paula Barnes has put her victim's family through" ("The DM", 26.02.13).

Наконец, сам журналист выступает в качестве субъекта, выражающего эмоции. Случаи выражения эмоций журналистами в английской прессе немногочисленны. Следует отметить, что для таблоида в большей степени характерно акцентирование внимания на недостатках по сравнению с широкоформатной газетой. Так, следующий пример содержит критическое замечание в адрес судебной системы посредством стратегии эмоционализации:

Sadly, our legal system – which mostly consists of men – would rather be crippled by the romantic view of women than do what's right for everyone ("The DM", 31.01.13).

Журналисты российской оппозиционной прессы склонны выражать сочувствие подсудимым, тогда как эмоции журналистов правительственной прессы сфокусированы на преступных действиях:

Смотреть на это тяжело, словно люди машут вслед невозвратному и безнадежному поезду, который удаляется во мглу тюрьмы («НГ», 29.07.13).

Страсти разыгрались нешуточные. Прыгающие девушки в итоге получили за этот, как они объяснили, – «перфоманс», по уголовной статье «Хулиганство». В суде они пытались объяснить свой дикий поступок всем чем угодно, но только не желанием оскорбить верующих. Но суд им не поверил («РГ», 02.07.13).

Таким образом, стратегия эмоционализации способна создавать положительный или отрицательный имидж судебной власти. В репрезентациях российских СМИ наблюдается наличие идеологического перевеса: правительственная «РГ» использует стратегию эмоционализации главным образом для описания преступных действий и чувств пострадавших, создавая положительный образ судебной власти, которая назначает справедливое наказание; в дискурсе оппозиционной «НГ» положительные эмоции часто направлены на подсудимых, а отрицательные – на судебную власть, что, на наш взгляд, дискредитирует систему правосудия. В английской прессе отмечено наличие как положительных, так и отрицательных оценок, выраженных эмоционально. Репрезентации эмоций посредством цитат и косвенной речи создают объективную тональность публикаций. Стратегия эмоционализации в английских СМИ характеризует судью как эмоционального человека, открыто выражающего свои чувства по отношению ко всем участникам судебного процесса.

Языковой спектр реализации данной стратегии достаточно широк. Отмечено использование эмоционально окрашенной лексики, усилительных частиц, риторических вопросов, восклицаний, инверсии, а также стилистических приемов.

Список литературы

1. **Дубровская, Т. В.** Образ судьи и судебной власти в дискурсе английских СМИ / Т. В. Дубровская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 3. – С. 72–81.
2. **Данкова, Н. С.** Репрезентация оппозиции «судебная власть – народ» в дискурсе российских печатных СМИ / Н. С. Данкова, Т. В. Дубровская // Филология и человек. – 2014. – № 4. – С. 35–46.
3. **Дубровская, Т. В.** Современный контекст взаимоотношений судебной власти и СМИ в Пензенской области / Т. В. Дубровская, Н. С. Данкова, С. О. Гуляйкина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 3 (31). – С. 163–173.
4. **Гуляйкина, С. О.** Манипулятивный потенциал медийных стратегий репрезентации судебной власти (на материале СМИ Пензенской области) / С. О. Гуляйкина, Т. В. Дубровская, Н. С. Данкова // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4 (50). – С. 101–108.
5. **Dubrovskaya, T.** Judicial power in Russian print media: Strategies of representation / T. Dubrovskaya, N. Dankova, S. Gulyaykina // Discourse & Communication. – 2015. – June. – № 9. – P. 293–312.
6. Российский суд теряет завоеванное доверие. – URL: <http://pravo.ru/review/view/75723/> (дата обращения: 12.01.2015).

7. Select Committee on Constitution Sixth Report. – URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld200607/ldselect/ldconst/151/15106.htm> (дата обращения: 22.09.2015).
8. **Шейгал, Е. И.** Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – 326 с.
9. **Добросклонская, Т. Г.** Медиалингвистика: системный подход к изучению языка / Т. Г. Добросклонская. – М., 2008. – 203 с.
10. **Негрышев, А. А.** Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ : учеб. пособие / А. А. Негрышев. – Владимир : ВГГУ, 2009. – 144 с.
11. **Van Dijk, T. A.** Ideology: a Multidisciplinary Approach / T. A. van Dijk. – London : Sage, 1998. – 294 p.
12. **Reisigl, M.** Discourse and discrimination: rhetoric of racism and anti-Semitism / M. Reisigl, R. Wodak. – London : Routledge, 2001. – 298 p.
13. **Пономарева, О. А.** Вербализация политического имиджа в российских и американских средствах массовой информации : дис. ... канд. филол. наук / Пономарева О. А. – Волгоград, 2008. – 215 с.
14. **Суздальцева, В. Н.** Образ власти в современных российских СМИ / В. Н. Суздальцева // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. – М. : Изд-во Моск. ун-та ; Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. – С. 284–328.
15. **Кормилицына, М. А.** Формирование имиджа политика средствами СМИ / М. А. Кормилицына // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – Вып. 4. – С. 65–70.
16. **Вражнова, И. Г.** Динамика политической метафоры в российском политическом дискурсе / И. Г. Вражнова // Динамика современного политического мышления в современном дискурсивном пространстве. Власть и СМИ : коллективная моногр. / под ред. О. Н. Дубровской, Т. В. Харламовой. – Саратов : Научная книга, 2008. – С. 81–105.
17. **Дубровская, Т. В.** Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков) / Т. В. Дубровская. – М. : Академия МНЭПУ, 2010. – 351 с.
18. **Харламова, Т. В.** Конструирование образа российской власти в зарубежных СМИ / Т. В. Харламова // Язык. Право. Общество : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9 апреля 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук О. В. Барабаш, д-ра филол. наук, доц. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. – С. 397–403.
19. **Sowińska, A.** Discursive construction and transformation of “us” and “them” categories in the newspaper coverage on the US anti-ballistic missile system: Polish versus Russian view / A. Sowińska, T. Dubrovskaya // Discourse & Communication. – 2012. – № 6 (4). – P. 449–468.
20. **Кормилицына, М. А.** Средства создания эмоциональной тональности газетного текста / М. А. Кормилицына // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2005. – Вып. 5. – С. 16–25.
21. **Прозоров, В. В.** Власть и свобода журналистики : учеб. пособие / В. В. Прооров. – 2-е изд., перераб. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 240 с.
22. **Mar, R. A.** Emotion and narrative fiction: interactive influences before, during, and after reading / R. A. Mar, K. Oatley, M. Djikic, J. Mullin // Cognition & Emotion. – 2011. – № 25 (5). – P. 818–833.
23. **Van Hout, T.** Analyzing the view from here, there and nowhere: Discursive approaches to journalistic stance / T. van Hout, G. Pounds, B. Vertommen // Discourse, Context & Media. – 2012. – № 1. – P. 55–56.

24. **Van Dijk, T. A.** News as discourse / T. A. van Dijk. – Hove ; London : Lawrence Erlbaum Associates, 1988. – 200 p.
25. **Stenvall, M.** Presenting and representing emotions in news agency reports / M. Stenvall // *Critical Discourse Studies*. – 2014. – Vol. 11, issue 4. – P. 461–481.

References

1. Dubrovskaya T. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2008, no. 3, pp. 72–81.
2. Dankova N. S., Dubrovskaya T. V. *Filologiya i chelovek* [Philology and the man]. 2014, no. 4, pp. 35–46.
3. Dubrovskaya T. V., Dankova N. S., Gulyaykina S. O. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2014, no. 3 (31), pp. 163–173.
4. Gulyaykina S. O., Dubrovskaya T. V., Dankova N. S. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2014, no. 4 (50), pp. 101–108.
5. Dubrovskaya T., Dankova N., Gulyaykina S. *Discourse & Communication*. 2015, June, no. 9, pp. 293–312.
6. *Rossiyskiy sud teryaet zavoevannoe doverie* [Russian court loses the gained trust]. Available at: <http://pravo.ru/review/view/75723/> (accessed January 12, 2015).
7. *Select Committee on Constitution Sixth Report*. Available at: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld200607/ldselect/ldconst/151/15106.htm> (accessed September 22, 2015).
8. Sheygal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis, 2004, 326 p.
9. Dobrosklonskaya T. G. *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka* [Medialinguistics: a system approach to language studying]. Moscow, 2008, 203 p.
10. Negryshev A. A. *Aspekty rechevogo vozdeystviya v novostyakh SMI: ucheb. posobie* [Aspects of verbal influence of news in mass media: tutorial]. Vladimir: VGGU, 2009, 144 p.
11. Van Dijk T. A. *Ideology: a Multidisciplinary Approach*. London: Sage, 1998, 294 p.
12. Reisigl M., Wodak R. *Discourse and discrimination: rhetoric of racism and anti-Semitism*. London: Routledge, 2001, 298 p.
13. Ponomareva O. A. *Verbalizatsiya politicheskogo imidzha v rossiyskikh i amerikanskikh sredstvakh massovoy informatsii: dis. kand. filol. nauk* [Political image verbalization in Russian and American mass media: dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Volgograd, 2008, 215 p.
14. Suzdal'tseva V. N. *Yazyk SMI i politika* [Media language and politics]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta; Fakul'tet zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova, 2012, pp. 284–328.
15. Kormilitsyna M. A. *Problemy rechevoy kommunikatsii: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Problems of verbal communication: interuniversity proceedings]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2004, iss. 4, pp. 65–70.
16. Vrazhnova I. G. *Dinamika sovremennogo politicheskogo myshleniya v sovremennoy diskursivnoy prostranstve. Vlast' i SMI: kollektivnaya monogr.* [Contemporary political thinking dynamics in modern discursive space. Power and mass media: collective monograph]. Saratov: Nauchnaya kniga, 2008, pp. 81–105.
17. Dubrovskaya T. V. *Sudebnyy diskurs: rechevoe povedenie sud'i (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Judicial discourse: verbal behavior of judges (by the material of Russian and English languages)]. Moscow: Akademiya MNEPU, 2010, 351 p.
18. Kharlamova T. V. *Yazyk. Pravo. Obshchestvo: sb. st. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 9 aprelya 2014 g.)* [Language. Law. Society: proceedings of II International scientific and practical conference (Penza, 9th April 2014)]. Penza: Izd-vo PGU, 2014, pp. 397–403.
19. Sowińska A. *Discourse & Communication*. 2012, no. 6 (4), pp. 449–468.

20. Kormilitsyna M. A. *Problemy rechevoy kommunikatsii: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Problem of verbal communication: interuniversity proceedings]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2005, iss. 5, pp. 16–25.
21. Prozorov V. V. *Vlast' i svoboda zhurnalistiki: ucheb. posobie* [Power and freedom of journalism: tutorial]. 2nd ed. Moscow: FLINTA: Nauka, 2012, 240 p.
22. Mar R. A., Oatley K., Djikic M., Mullin J. *Cognition & Emotion*. 2011, no. 25 (5), pp. 818–833.
23. Van Hout T., Pounds G., Vertommen B. *Discourse, Context & Media*. 2012, no. 1, pp. 55–56.
24. Van Dijk T. A. *News as discourse*. Hove; London: Lawrence Erlbaum Associates, 1988, 200 p.
25. Stenvall M. *Critical Discourse Studies*. 2014, vol. 11, issue 4, pp. 461–481.

Данкова Наталья Станиславовна

старший преподаватель, кафедра
английского языка, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: n.s.dankova@mail.ru

Dankova Natalia Stanislavovna

Senior lecturer, sub-department of English
language, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 81'42

Данкова, Н. С.

Стратегия эмоционализации как средство репрезентации судебной власти в российских и английских печатных СМИ / Н. С. Данкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 4 (40). – С. 102–114. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-4-11